

От ЗНАХАРЯ До ВРАЧА

ГОВАРД ХАГГАРД

Говард Хаггард

**От знахаря до врача.
История науки врачевания**

«Центрполиграф»

Хаггард Г.

От знахаря до врача. История науки врачевания / Г. Хаггард — «Центрполиграф»,

Врач Говард Хаггард, профессор Йельского университета, в своей книге сделал обзор истории медицины от ее истоков в древней цивилизации до наших дней. Он собрал интересные факты развития акушерских методов родовспоможения, анестезии, хирургии и других любопытных способов лечения людей, развившихся в целую науку врачевания. Невероятно увлекательно, с историческими анекдотами и множеством уникальных иллюстраций изложены разнообразные формы медицинской помощи.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Говард Хаггард

От знахаря до врача.

История науки врачевания

Посвящается Джозефине Ф. Хаггард

Часть первая

БОРЬБА С МАТЕРИНСКОЙ И ДЕТСКОЙ СМЕРТНОСТЬЮ В РОДАХ

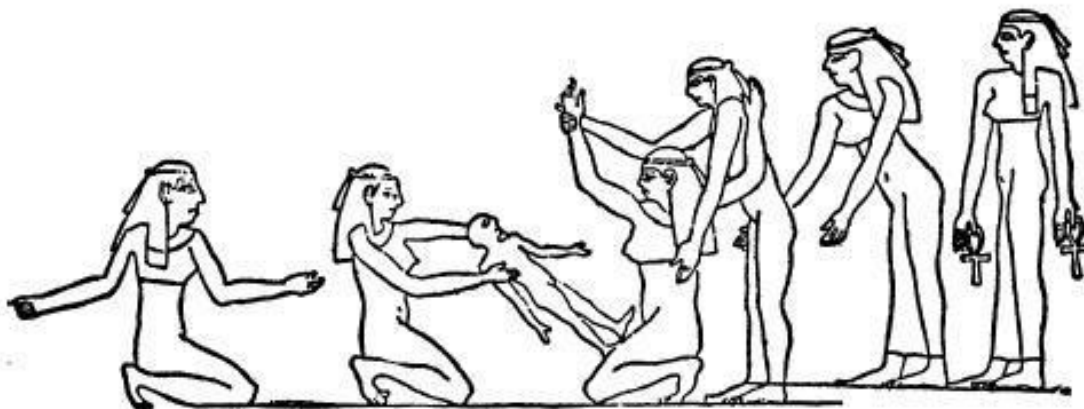
Глава 1

Деторождение и цивилизация

Положение женщины в любой цивилизации есть показатель уровня ее развития; положение женщины лучше всего определяется по той заботе, которую проявляет общество к рожавшей женщине. Соответственно нигде взлеты и падения цивилизации не прослеживаются лучше, чем в истории деторождения.

Первобытные народы всегда рассматривали деторождение как естественный процесс и относились к нему с жестоким безразличием. В эпоху расцвета древнеегипетской цивилизации, а позже во времена расцвета греческой и римской цивилизации резко улучшалось и родовспоможение. Оно пришло в упадок с падением греко-римской цивилизации. В Европе на тридцать веков были забыты все достижения, сделанные в этой сфере греками Античности. Препятствием акушерской практике достигла лишь в XVI–XVII веках.

Средневековые христиане видели в деторождении результат плотского греха, который должен быть искуплен болью, как о том говорится в Бытие (глава III, стих 16). Соответственно отношение к рожавшей женщине было в Средние века хуже, чем простое пренебрежение, характерное для первобытных племен. Страдания женщины усиливались и тем фактом, что она уже не была первобытной; вынашивание беременности стало в Средние века более трудным. Урбанизация, кровосмешение и эпидемии часто приводили к неестественным и осложненным родам. В Средние века материнская и детская смертность достигли невиданного никогда прежде уровня. Такой рост смертности был, не в последнюю очередь, следствием полного равнодушия к страданиям женщины. Смертность была, кроме того, обусловлена культурной отсталостью и невероятно низкой ценой человеческой жизни. Положение усугублялось отсутствием полноценной акушерской помощи в родах. То была «эпоха веры», период, характеризовавшийся пылкой верой и аскетизмом не в меньшей степени, чем нечистоплотностью людей. Для преодоления невыносимо высокой смертности до, во время и после родов не делалось ровным счетом ничего. Типична для того времени попытка создания крестильного шприца, который позволял крестить в матке нерожденного младенца в случаях, когда было невозможно родоразрешение. Надо было спасти душу младенца и окрестить его до того, как он умрет вместе с матерью. Для спасения их жизни не делалось ничего. Не было большего преступления, совершенного именем цивилизации, религиозной веры и самодовольного невежества, нежели целенаправленное убийство бесчисленных матерей и младенцев в первые пятнадцать веков христианской эры цивилизованного человечества.

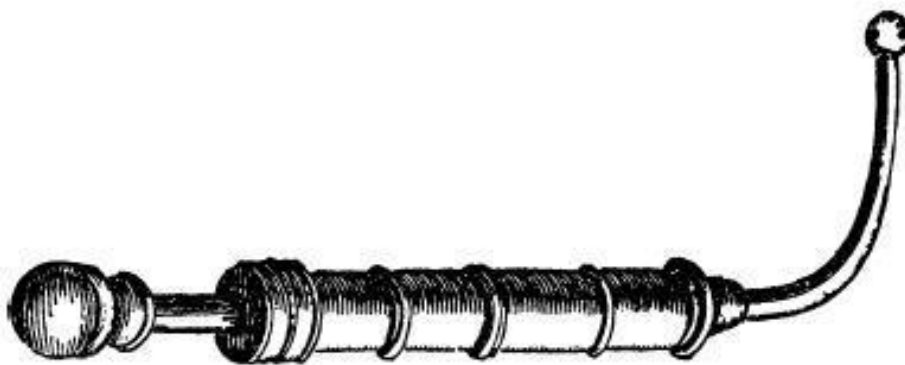
РОЖДЕНИЕ СЫНА КЛЕОПАТРЫ

Барельеф на стене храма Эснеха. Необычно большой размер новорожденного указывает на его царское происхождение. Обратите внимание на сидячее положение Клеопатры. В таком положении до сих пор рожают женщины многих первобытных народов

С приходом Возрождения в Европе намечается изменение отношения к деторождению, к уходу за беременными, роженицами и рожденными младенцами. Надо сказать, что эти благоприятные изменения осуществлялись медленнее, чем другие изменения, характерные для того периода. Материальный прогресс явно опережал прогресс гуманитарный.

Отношение к беременным женщинам является показателем цивилизованности данного общества, а не только его первопроходцев. Эти первопроходцы освещают путь, они показывают дорогу к улучшению цивилизации, но это улучшение наступает только тогда, когда по этому пути начинают идти другие люди. В течение веков эти первопроходцы борьбы с детской и материнской смертностью выглядели гигантами на фоне других людей своего времени. Подвиги этих людей не воспеты, имена их неизвестны большинству, но именно они создали нашу цивилизацию, и по любым меркам они превосходят величием королей и государственных деятелей, чьи имена заучивают школьники на уроках истории, хотя единственными достижениями этих государственных мужей было зачастую создание эфемерных границ государств, где они воевали, строили козни и замыслили интриги. Но дело великих людей, боровшихся со смертью, не пропало даром. Их слава – в той мере, в какой это допускает уровень нашей цивилизации, – живет в каждом современном ребенке, в каждой беременной женщине.

Борьба за жизнь матерей и их рождавшихся детей началась в XVI веке. В результате этой борьбы современная женщина, если она захочет и если ей позволят условия ее культурного сообщества, может смотреть на беременность не как на проклятие, не как на неизбежный результат «греха», а как на почетную привилегию своего пола, которой она может воспользоваться исключительно по собственному желанию. Беременность современной женщины не осенена темным крылом смерти, но освещена ярким светом современного научного знания. Она заранее убеждена в безопасности этого состояния, а страдать в родах ей придется куда меньше, чем ее первобытным сестрам, рожавшим двадцать пять веков назад. Современной женщине не придется страдать, как ее сестре три века назад, когда женщина искупала свой наследственный грех или погибала в руках повивальных бабок и невежественных цирюльников.

КРЕСТИЛЬНЫЙ ШПРИЦ

Это приспособление было придумано для совершения обряда крещения еще неродившегося младенца в случае трудных родов. Изображенный здесь шприц был сконструирован и описан Морисо, и Лоренс Стерн полностью приводит это описание в «Жизни и мнениях Тристрама Шенди, джентльмена». В книге этим «инструментом» пользовался эксцентричный «доктор Слоп». В некоторых конструкциях канюлю венчал крест для усиления святости процедуры

Путь борьбы с детской и материнской смертностью увенчан многими победами. Эта борьба опережала медленно двигавшуюся вперед цивилизацию. И поныне цивилизация ждет, пока культура сделает еще один шаг и освободится от кошмара средневекового невежества; с концом этого невежества женщина сможет в полной мере насладиться плодами победы над смертью. Пренебрежение к рожаящей женщине, приводящее к смерти в родах и к опасностям вынашивания беременности, не является виной представителей медицинской профессии. Она ведет борьбу, но не может дать больше, чем способно принять общество. Медицинская профессия не может самостоятельно преодолеть инерцию цивилизации, не может убедить людей в том, какую ценность следует придавать жизни женщины и ее детей.

Юные цивилизации подобны подросткам: они сильны и агрессивны, они шумно гордятся своими игрушками материальных достижений, но сама неопределенность их недоказанной силы заставляет их стыдиться проявлений доброты из страха, что их сочтут слабыми. Юные цивилизации страдают от утопических идеалов подросткового возраста; но при этом они самоуверенны, слепы и невежественны; они рвутся к звездам, не замечая затоптанных ими цветов. Они игнорируют реальные проблемы жизни и цивилизованности. В мире существуют двадцать цивилизованных стран, где ведется статистика материнской и детской смертности в родах. В этом списке Соединенные Штаты занимают девятнадцатое место. Только в одной стране – она находится в Южной Америке – показатели хуже, чем в США.

Сегодня вынашивание беременности среди примитивных народов ничем не отличается от вынашивания беременности двадцать пять веков назад и мало отличается от того, что творилось всего три века назад в Европе. Правда, триста лет назад положение с деторождением было хуже, чем в первобытные эпохи. Первобытная женщина в родах, как животные, руководствовалась интуицией, а пуповину, связывающую новорожденного с матерью, она разрывала зубами. Первобытная женщина испытывала в родах мало трудностей; она не становилась жертвой ужасов цивилизации. Она не страдала деформацией костей таза из-за рахита, деформацией, затрудняющей естественные роды, так как ее питание не страдало городскими недостатками, а ее тело не было скрыто от солнца стеклами и одеждой. Более того, женщины не страдали от смешанных браков и кровосмешения, характерных для цивилизации. Мужчины были почти одного роста с нею, и размер плода соответствовал размеру таза.

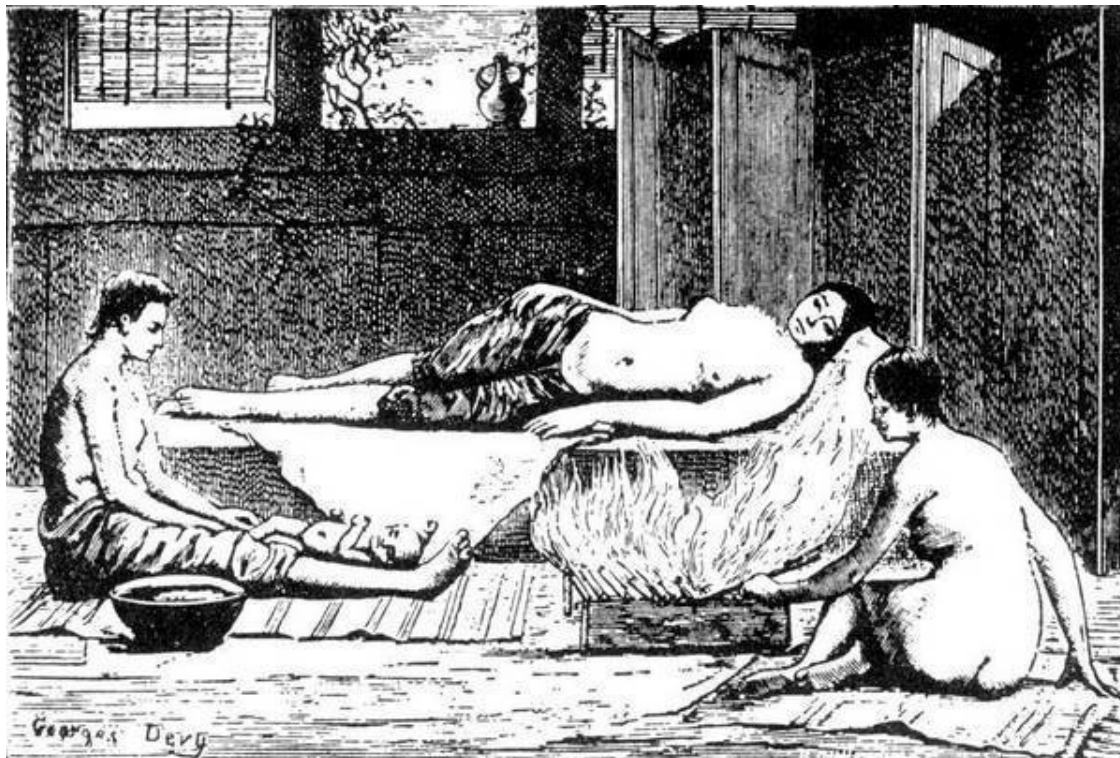
Первобытные женщины активно трудились физически и поэтому рождали мелких младенцев. При схватках и потугах в день родов плод буквально «стряхивался» в матке в свое нормальное положение – головкой вперед. Это облегчало роды и делало их безопасными. Даже в наши дни, в условиях городской жизни, физический труд и лишения облегчают женщинам роды. У женщин, не занятых тяжелым физическим трудом, плод бывает тяжелее, чем у женщин, занятых физическим трудом. Более легкие роды у женщин из рабочего класса не являются – как думают многие – следствием близости к природе (что часто не соответствует действительности), но лишь следствием меньшего размера плода.

Женщинам первобытных племен и примитивных народов был неведом страх родильной горячки (послеродового сепсиса). Руки студентов-медиков и акушеров не заносили ей заразу из прозекторской или от другой больной роженицы. Они не лежали на грязных кроватях переполненных госпиталей XVII, XVIII и даже начала XIX века, им не приходилось лежать в кроватях с четырьмя другими пациентками, как это было в парижском «Отель-Дье», где больных укладывали по пять на койки шириной в пять футов. Первобытной женщине не приходилось ждать – если она переживала ядовитый воздух госпиталя, грубую работу повитух и студентов – порожденной «климатом» родильной горячки, которая уносила жизни от двух до двадцати родильниц из ста, вынужденных пользоваться фатальным милосердием этих лечебных учреждений. Первобытная женщина столкнулась со всеми этими благами цивилизации позднее, когда первобытные народы познакомились с европейской цивилизацией. Первобытная женщина познакомилась и с другими вещами, влиявшими на деторождение: она столкнулась с сифилисом и туберкулезом, чумой и тифом, гонореей и алкоголем и, самое страшное, с городской скученностью и стыдом, который внушала ей христианская религия.

То, что роды являются более естественным процессом среди первобытных женщин, отнюдь не говорит о том, что вполне цивилизованная женщина вообще не способна выносить ребенка при минимальной медицинской помощи. Но подавляющее большинство цивилизованных женщин не могут этого сделать в противоположность женщинам первобытных и примитивных обществ. Благоедеяния цивилизации стали причиной множества трудностей при вынашивании беременности и деторождении, и в течение веков, пока развивалась наша цивилизация, ничего не делалось для того, чтобы облегчить эти трудности. В этот процесс, наконец, вмешалась наука, и именно она оказалась способной компенсировать и даже более чем компенсировать эти недостатки цивилизации. Теперь именно наука может спасти те жизни, которые были бы наверняка потеряны даже при самом естественном течении родов. Наука способна и на большее, так как она может смягчить отрицательное влияние, какое может оказать деторождение на продолжительность жизни женщины – то есть на проблему, которая мало волновала первобытные общества, ибо его члены вообще не отличались долголетием. Первобытной женщине было по-настоящему страшно лишь одно осложнение беременности – поперечное положение плода в тазу, когда ребенок не мог родиться, обрекая на смерть и себя и мать. Сейчас поперечное положение не угрожает жизни ни матери, ни плода.

В первобытных обществах женщина с приближением срока родов обычно удалялась из стойбища племени. В некоторых случаях женщина уходила одна, но чаще ее сопровождала подруга или старшая женщина – прообраз более поздней повитухи. Женщина удалялась либо в лес на берегу ручья, реки или озера, либо в устроенное специально для родов укрытие. Иногда женщины удалялись в такие укрытия на время менструации. Такая изоляция была весьма распространенным среди первобытных племен обычаем, но отнюдь не всегда. У аборигенов Сандвичевых островов роды были публичным мероприятием, это «представление» могли смотреть все желающие. В этом случае роль повитухи, вопреки обычаю других народов, исполнял старик. Женщина рожала, сидя у него на коленях, а друзья и подруги, собравшиеся вокруг, пытались помочь и громко давали советы. В середине XIX века один американский армейский хирург наблюдал беременную жену вождя племени умпкава. Хирург свидетельствует, что роже-

ница лежала в хижине, грубо сколоченной из бревен. В хижину набилась тьма народа. От потных тел исходил удушающий запах, в помещении было буквально нечем дышать. Хирург из-за духоты и дыма не мог находиться в хижине дольше нескольких минут подряд. Собравшиеся дико что-то вопили, сгрудившись вокруг страдальцы, муки которой только усиливались от доброты ее подруг.

ТАЙСКОЕ РИТУАЛЬНОЕ ОЧИЩЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ ПОСЛЕ РОДОВ

В течение тридцати дней после рождения первого ребенка и в течение более короткого периода после следующих родов мать должна все время подставлять живот и спину огню, который находится на расстоянии около двух футов от нее. Огонь поддерживали непрерывно, день и ночь, в течение всего времени очищения

У наиболее примитивных народов женщина, родив ребенка, совершает омовение в холодной воде, а затем либо возвращается к своим повседневным обязанностям, либо некоторое время находится в изоляции и проходит обряд священного очищения. Это очищение у некоторых племен и народов превратилось в сложный, тщательно разработанный религиозный ритуал. По сути, такой период очищения позволяет женщине отдохнуть после беременности и родов, но иногда некоторые аспекты церемониала могут превратить отдых в настоящую пытку. Например, у сиамцев (тайцев) женщина после рождения ребенка подвергалась месячному наказанию. Сиамским женщинам вдолбили в голову, что и мать и дитя ожидают страшные муки, если мать после родов не будет в течение тридцати дней (после рождения первого ребенка, после рождения следующих детей этот срок сокращали до пяти дней) непрерывно подставлять обнаженный живот и спину действию пылающего огня, который день и ночь поддерживали на расстоянии меньше двух футов от родильницы. Женщина крутилась как вертел, попеременно подставляя жару живот и спину, а муж или специально приставленная женщина непрерывно поддерживали огонь. У этого обычая было по меньшей мере одно неоспоримое достоинство – он позволял женщине избежать характерной для многих примитивных племен

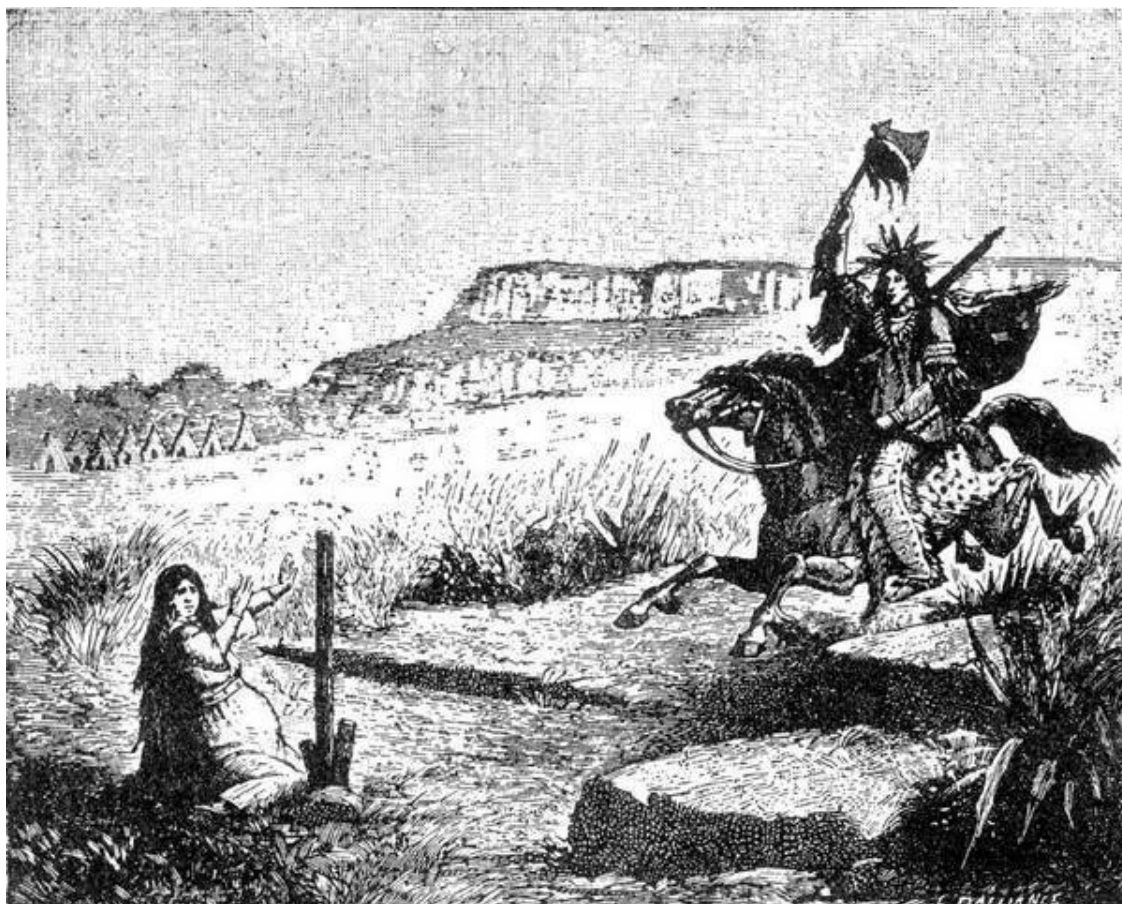
беды – возвращения к исполнению обязанностей по дому непосредственно после родов. Сиамская женщина имела законное право в течение тридцати дней лежать в кровати.

Люди большинства первобытных племен придерживались убеждения, которое, впрочем, до сих пор иногда бытует и среди цивилизованных индивидов, в том, что роды – это сознательный волевой акт со стороны новорожденного, который стремится покинуть свою тюрьму в чреве матери. Женщина, оказывавшая помощь при родах, изо всех сил старалась выманить ребенка наружу обещаниями вкусной еды, прибегая к угрозам, если младенец упрямился и не хотел выходить из материнского лона. В некоторых племенах мать даже голодала в течение недели до родов, чтобы ребенок возымел большее желание покинуть чрево матери и выйти на свет, где в награду за это его ожидало вкусное молоко. Способ родовспоможения зависел от нрава младенца; вину за трудные роды возлагали на ребенка, на его злобный нрав. Такая вера служила достаточным основанием для убийства младенца во время попыток силой заставить его родиться на свет. Были даже изобретены специальные инструменты для разрушения плода, так как дитя, отказывающееся рождаться, заслуживает смерти, как и мать, выносившая такое чудовище.

Если роды у первобытной матери оказывались трудными, то племя подчас прибегало к весьма радикальным мерам. Мать, например, брали за ноги, опрокидывали вниз головой и принимались трясти. Иногда женщину катали и подбрасывали на растянутом одеяле. Американские индейцы сажали женщину на землю, и воин несся на нее верхом с явным намерением раздавить, в последний момент отворачивая коня в сторону. Целью было напугать мать и дитя и подтолкнуть роды. Иногда мать укладывали на спину и принимались давить на живот или подвешивали ее к дереву на ремень, пропущенный под мышками, а на живот давили снизу ремнем, надетым поверх живота. Так стимулировали роды и в Европе всего каких-нибудь четыреста лет назад. Аккомпанементом родов могло быть песнопение, барабанный бой и даже ружейная стрельба. Древние греки во время родов пели священные песни, и даже в наши дни еврейские женщины из низших классов сопровождают роды пронзительными воплями. При трудных родах знахарь, шаман или его позднейший преемник – священник – мог войти в комнату роженицы, промямлить несколько стихов из какой-нибудь книги (например, из Корана), плюнуть в лицо роженицы и предоставить остальное Божьей воле и природе. Тому, кто сомневается в эффективности слюны, особенно слюны натошак, можно посоветовать обратиться к «Естественной истории» Плиния. Там написано, какое множество болезней можно излечить слюной. Прежде чем смеяться над младенческой наивностью Плиния или над антисанитарией первобытных народов, давайте вспомним, что Иисус именно так исцелял слепых.

Но даже в самые отдаленные времена, даже у самых примитивных народов всегда оказывали посильную помощь рожаящим женщинам. Помощь в рождении ребенка и лечение ран стали двумя видами искусства, которые можно проследить до самых ранних эпох в истории человечества. Роды и раны, по необходимости, привлекали внимание первобытных людей. Женщины, сами рожавшие детей и обученные собственным опытом, помогали рожать своим соседкам, а охотники и воины, каждому из которых грозили ранения, помогали своим раненым и травмированным товарищам. По мере развития обществ некоторые женщины, помогавшие другим в родах, стали делать это регулярно и за натуральную плату. Так появилась повитуха – вначале благословение, а затем главное препятствие на пути развития акушерского искусства. С приходом цивилизации лечение раненых солдат и охотников попало в руки врача, священника, цирюльника и хирурга; прогресс был, правда, довольно медленным из-за множества слепых предрассудков. Однако деторождения этот прогресс не коснулся, и повитуха сохранила свои позиции. Повивальное дело продолжало находиться в руках женщин низших классов. На родовспоможение смотрели как на женскую работу, а поскольку оно находилось в руках безграмотных женщин, постольку никакой прогресс в акушерстве был невозможен. К помощи священника или человека, обладавшего мистическими способностями, а позднее врача прибе-

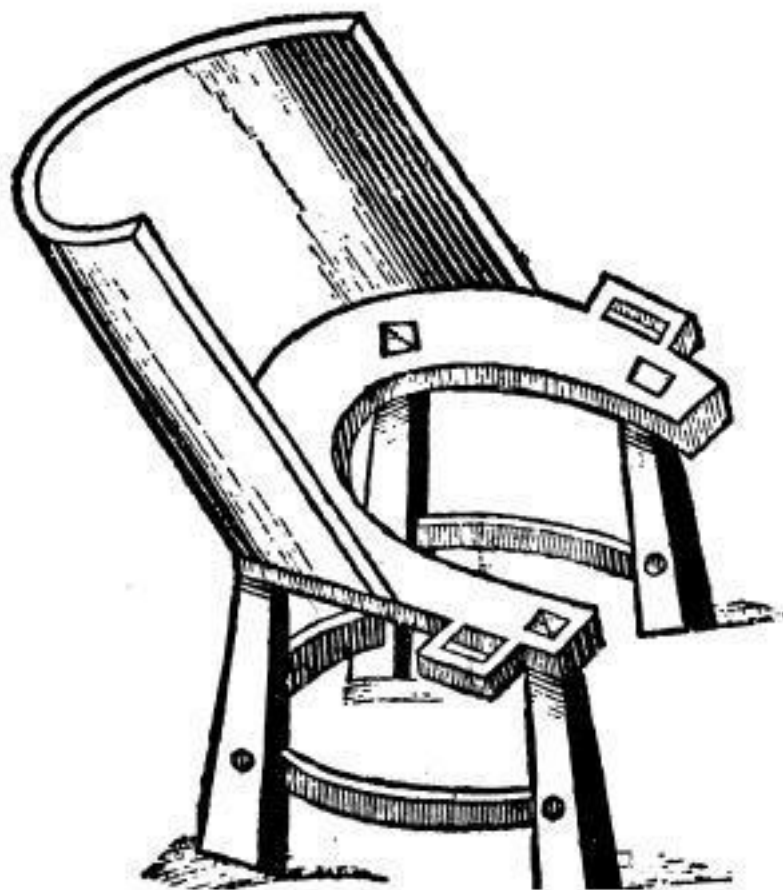
гали только в тех случаях, когда повитуха оказывалась бессильной. Только в периоды расцвета древних цивилизаций и довольно поздно в период нашей цивилизации врачи начинали лично участвовать в принятии даже самых обычных, неосложненных родов.

ИНДЕЙСКИЙ ВОИН УСКОРЯЕТ РОДЫ

В недалеком прошлом среди индейских племен Северной Америки роды ускоряли тем, что сажали женщину в прерии на открытое место, а потом на нее несся всадник с очевидным намерением ее раздавить. Всадник, правда, в последний момент проскакивал мимо, но страх мог иногда спровоцировать ускорение родов

Повитуху мы можем обнаружить уже в самом начале тех цивилизаций, которые стали предшественниками нашей цивилизации. Их прогресс и та высота, которой им удалось достичь, характеризуются законодательными установлениями, призванными регулировать деятельность повитух и само родовспоможение. У древних евреев гигиене беременности и родов уделялось больше внимания, чем активной помощи. У евреев гигиенические мероприятия были частью религиозного ритуала, а при трудных родах женщину утешали до тех пор, пока «она не умрет». У евреев женщины рожали на специальных стульях или на коленях другой женщины. В первой главе Исхода, где фараон велит повитухам убивать всех еврейских младенцев мужского пола, говорится и об акушерском стуле; «когда принимаешь роды у евреек и сажаешь их на стулья...». Только в XIX веке от Рождества Христова стул окончательно перестал быть необходимой частью снаряжения повитухи. До этого они катали его с собой от роженицы к роженице. В XVII веке француз Морисо ввел в практику родовспоможения прием родов на кровати.

АКУШЕРСКИЙ СТУЛ

Такой стул, на который усаживали роженицу, был описан еще в Ветхом Завете. Греки для этой цели иногда пользовались кроватью или специальной кушеткой, но акушерский стул оставался во всеобщем употреблении до XVII века, но его продолжали иногда использовать вплоть до XIX века. Было создано множество конструкций. Показанный на рисунке акушерский стул был сконструирован Евхарием Рослином в 1513 году

За три тысячи лет до н. э. в Древнем Египте и за полторы – в Индии, в эпоху брахманизма, достигло своего пика участие жрецов в родовспоможении. Служители культа не просто закликали богов о помощи, они сами эффективно помогали, когда их вызывали повитухи. Жрецы практиковали хирургические процедуры, выполняли вспомогательные приемы. К этим временам относится и появление инструментов для извлечения мертвого плода. Священники, обладавшие зачаточными познаниями в анатомии и медицине, своими манипуляциями и применением лечебных средств – как правило, слабительных и рвотных – действительно во многих случаях справлялись с трудными родами. Был известен даже поворот на ножку, о котором мы поговорим позже, так как в Европе его начали снова применять только в XVI веке. Религиозные законы предписывали кесарево сечение для извлечения мертвого плода и рекомендовали соответствующий уход за беременными – в особенности нечистыми и зараженными – женщинами. Практика родовспоможения в Индии предусматривала вызов врача в случае трудных родов, и врачи сделали такие роды кровавой процедурой, ибо восточные врачи были склонны к хирургическим вмешательствам, несмотря на то что религиозные предписания в какой-то мере сдерживали их пыл. Например, индийское родовспоможение руководствовалось приблизительно такими предписаниями: «Если ребенок не рождается, врач может воспользоваться

ножом, но так, чтобы не коснуться живого младенца; ибо если врач ранит младенца, то может убить и его и мать». Для операции, предосторожность при проведении которой была только что упомянута, об анестезии говорит только одна фраза: «Ободрив женщину...» Впрочем, для таких процедур вплоть до XIX века вообще не существовало никакой анестезии. Та же самая операция извлечения мертвого плода по частям начала выполняться вместе с другими кровавыми хирургическими манипуляциями в Европе только в Средние века. Необходимость такой операции была единственным поводом привлечения врача-мужчины к труду повитухи, правда, средневекового хирурга нисколько не интересовала сохранность жизни матери.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АКУШЕРСКОГО СТУЛА

Гравюра из книги «Розовый сад для беременной женщины» Рослина (XVI век)

В Сушруте, древнеиндийском акушерском трактате, который долгое время передавался из поколения в поколение в устной форме, было сказано, что у четырех пожилых женщин,

принимающих роды, *должны быть коротко острижены ногти*. Афинский закон о повитухах гласил, что повитухой может быть только рожавшая женщина, вышедшая из детородного возраста. Это приблизительно то же самое, что военным хирургом может быть мужчина, в прошлом раненный, но вышедший из призывного возраста. В христианскую эру никаких законов, регулирующих деятельность повитух, не было до 1555 года, да и то такой закон появился лишь в одном городе – Ратисбоне.

Современная европейская медицина возникла из греческой медицины. Греки явились организаторами и зачинателями европейской культуры. Они усвоили все, что могли предложить предыдущие цивилизации, и взяли лучшее у современной им цивилизации. Греки обладали изумительным даром вбирать в свою культуру чужеземные элементы и доводить их до совершенства. Когда древнегреческая медицина оформилась организационно, она оказалась в руках жрецов бога Асклепия, храмы которого, где осуществлялось лечение, находились в сельских местностях. Вероятно, сам Асклепий был исторической личностью, но со временем его обожествили и включили в общую систему греческой мифологии. Согласно легендам, Асклепий в ранние годы своей жизни пережил множество превратностей судьбы. По одной легенде, он был сыном Корониды и Аполлона, и был спасен только благодаря тому, что божественный отец вовремя выхватил его из чрева горящей на костре матери. Согласно другой легенде, его матерью была Арсиноя, которая, хотя и родила его без трудностей, оставила ребенка, но он был спасен от смерти козой.

Асклепий пережил детские невзгоды, вырос и был дважды женат. От первой жены у него родилась дочь Гигея. Второй женой Асклепия была Лампетия, дочь Гелиоса. Имя Асклепия мало употребляется в разговорной речи, но имя его дочери Гигеи осталось во множестве слов, таких как гигиена, гигиенический и гигиенист. Символ Асклепия – посох, обвитый змеями, – пережил века и стал эмблемой медицины. Нет ничего удивительного в том, что бог, чей отец Аполлон был врачом, интересовавшимся кесаревым сечением и придумавшим искусственное вскармливание, и сам обратился к изучению медицины. Наставником Асклепия стал кентавр Хирон, который хотя и был наполовину конем и лишь наполовину человеком, оказался весьма многогранным специалистом. Причиной смерти Асклепия стало событие, которое с тех пор не случалось ни с одним врачом. Плутон пожаловался Зевсу, что благодаря искусству Асклепия люди стали жить дольше и в результате сократилось число обитателей Аида. Для того чтобы сохранить равновесие в человеческой популяции, Зевс поразил Асклепия молнией.

Но вера греков во власть Асклепия над болезнями, в совершенные им чудеса исцеления была так велика, как и преклонение перед благородством и чистотой его характера, что они обожествили его и воздвигли храмы в его честь. Эти храмы были не просто местом поклонения, но лечебницами, которые назывались асклепионами, которые со временем стали прототипами наших больниц, санаториев и медицинских учебных заведений. Для восстановления здоровья в асклепионах пользовались простыми средствами – солнечным светом, свежим воздухом, чистой водой, физическими упражнениями и диетой. Жрецы Асклепия тем не менее прибегали к лекарствам и даже к хирургическим операциям, если того требовало состояние больного, правда, вся их деятельность была пропитана суевериями и религиозными правилами. Так, например, несмотря на взлет медицины в Древней Греции, для лечения в асклепионах не допускались умирающие и роженицы. Последними занимались исключительно повитухи. Позже, когда цивилизация стала более зрелой, император Антонин Пий велел построить специальное здание в Эпидавре, куда принимали рожениц и умирающих.

В храме Асклепия также обучали медицине. Обучение было устным, так как первые писанные книги по медицине появились в Греции только в V веке до н. э. По окончании учебы ученики давали клятву, в которой воплощались принципы врачевания. Эта клятва, которую часто называют клятвой Гиппократов, основана на этических принципах, которые действительно сегодня так же, как и две с половиной тысячи лет назад. Вот отрывки из клятвы: «Клянусь

Аполлоном врачом, Асклепием, Гигеей и Панакеей, всеми богами и богинями... Я направляю режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением, воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости. Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла; точно так же я не вручу никакой женщине абортивного пессария. Чисто и непорочно буду я проводить свою жизнь и свое искусство. В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного, будучи далек от всякого намеренного, несправедливого и пагубного, особенно от любовных дел с женщинами и мужчинами, свободными и рабами. Что бы при лечении – а также и без лечения – я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной...»

С течением времени религиозная роль храма Асклепия постепенно сошла на нет, жрецы и врачи разделились, медицина становилась все более и более рациональной. Величайшим врачом Древней Греции был Гиппократ. Его учение сохранилось и во многих отношениях является основой современной медицинской практики. Гиппократ Великий родился на острове Кос в 460 году до н. э., через тридцать лет после Марафонской битвы и за тридцать один год до рождения Платона. Благодаря благородству при исполнении своих профессиональных обязанностей он стал образцом для всех последующих поколений врачей. Под влиянием Гиппократа медицина его времени достигла таких высот, каких европейская медицина смогла достичь лишь спустя много веков.

Во времена Гиппократа повитухи были хорошо организованным сообществом с четко очерченными обязанностями. Методы ведения рожениц были довольно грубыми – повитухи мяти и растирали роженице живот, а иногда прибегали и к более энергичным воздействиям – например, подбрасывали женщину на ложе. Тем не менее деятельность повитух направлялась врачами, которые в трудных случаях принимали участие в родовспоможении. Правда, на этой стадии развития цивилизации к врачам, принимающим роды, относились с некоторым презрением, называя их «бабками мужского пола». В обязанности повитух входило исполнение священных песен во время родов. Когда ребенок рождался, повитуха делала то же, что делают акушерки и в наши дни: она показывала ребенка отцу – правда, причина для такого показа сильно отличалась от современной; отец смотрел на ребенка и решал, признать его или нет. Если отец признавал дитя, то брал его на руки и поднимал над головой. Деятельность повитухи не ограничивалась только одним родовспоможением. Если семья решала избавиться от ребенка, повитуха относила его на склон холма или на ступени храма, где ребенок либо умирал от голода, либо его подбирали какой-нибудь сердобольный прохожий. В тот период отказ от детей был законным и оставался таковым до наступления христианской эры. Кроме того, повитуха оценивала пригодность людей для супружеской жизни – играя роль некоего подобия древнего брачного агентства, – лечила женские болезни и делала аборт. Аборты в те времена были легальными, но Гиппократ не советовал делать их врачам – это считалось не вполне этичным. Согласно своим многочисленным социальным и медицинским обязанностям, повитухи были отдельной профессиональной группой, но они никогда не вмешивались в сферу деятельности врачей.

ДРЕВНИЕ МЕТОДЫ УСКОРЕНИЯ РОДОВ

У греков во времена Гиппократов методы работы с роженицей были весьма непосредственными и зачастую грубыми. Иногда женщину несколько раз поднимали в воздух и бросали на кровать. Нецивилизованные народы до сих пор используют этот и подобные ему способы ускорения родов

В то время как греки создали и развили систему рациональной медицины, у их воинственных соседей римлян упорядоченной медицины не было вообще. Помощи римляне искали у своих богов, и для каждой болезни у них был свой бог, и, мало того, особое божество существовало для каждой стадии одной болезни. Медицинская практика основывалась на изречении: «Даже у почесухи есть своя богиня». Приблизительно за двести лет до наступления новой эры в Рим, пахать нетронутую целину, впервые явились греческие врачи. Римляне, как и всякий склонный к суевериям народ, были готовы с распростертыми объятиями принять новый культ. Они никогда раньше не платили за помощь в болезни. Поклонение богам было добровольным и произвольным, а это означало, что, заболев, человек был готов посулить божеству все, что угодно, но, поразмыслив – после того, как болезнь отступала, – ограничивался весьма скромной жертвой. Если же болезнь заканчивалась смертью, то ни о каком вознаграждении, естественно, не могло быть и речи. Греческие врачи начали брать плату за лечение. На римлян эта практика произвела впечатление. Они исходили из принципа: если за лечение надо платить, то оно действительно чего-то стоит. Катон по этому поводу высказался так: «Они извлекали выгоду из своей профессии, чтобы завоевать наше доверие...»

ДРЕВНИЕ МЕТОДЫ УСКОРЕНИЯ РОДОВ

Вариация способа, показанного на предыдущем рисунке. Женщину привязывали к скамье, поднимали головной конец, а ножным стучали о положенные на пол вязанки хвороста. Греческие врачи отказались от такого способа стимуляции родов, но он снова стал применяться в Средние века и дожил до эпохи Возрождения, а кое-где сохранялся еще дольше

Первое знакомство римлян с греческими врачами оказалось обескураживающим. Некоторые врачи, первыми явившиеся в Рим, были шарлатанами и неудачниками, не нашедшими применения у себя на родине; они воспользовались доверчивостью наивных римлян, но этим нанесли вред прежде всего самим себе. Катон – этот раздражительный мизантроп II века до н. э., – как и следовало ожидать, нашел подходящие слова для осуждения греческих врачей. Катон был римским Коттоном Матером и хорошо относился только к Катону, который, выражаясь его словами, «был должен римскому народу меньше, чем народ – ему». Именно Катон

заканчивал каждое свое выступление в сенате хриплым призывом: «В прочем считаю, что Карфаген должен быть разрушен», чтобы побудить римлян ко 2-й Пунической войне. О греческих врачах – среди прочего – он говорил: «Они [греки] – самая ужасная и неисправимая порода людей, и вы можете, как пророку, поверить мне на слово, если я скажу вам, что, когда они наградят нас своей литературой, они испортят все; и это случится очень скоро, если они нашьют на нас своих врачей. Они составили заговор, решив убить всех варваров с помощью своей медицины... Между прочим, они и нас называют варварами... Я запрещаю вам иметь дело с врачами». В конце концов, римляне к тому времени уже шестьсот лет «обходились без врачей». Последовавшие затем события показали, что в словах Катона было зерно истины. Возможно, правда, что гнев его отчасти был вызван ревностью, так как говорят, что у него была книга медицинских рецептов, с помощью которых он сам лечил своих сыновей, рабов и даже, как утверждает Плиний, своих друзей, что, учитывая характер Катона, представляется весьма сомнительным.

У римлян поначалу не было законов для наказания преступной халатности, отравлений и манипуляции завещаниями с помощью нанятых врачей. Плиний упоминает о некоторых злоупотреблениях, которые произошли из-за отсутствия юридической защиты. Плиний пишет: «Они подвергают нас смертельной опасности и на этом учатся, они набираются опыта, обрекая нас на смерть. Врач – единственный человек, который может совершенно безнаказанно убить другого человека. Да мало того, вся вина возлагается на самого больного; его обвиняют в неповиновении, и получается, что судить следует того, кто умер». Плиний жил в I веке н. э., был активным законодателем и политиком. Имея в своем распоряжении секретаря, которому он мог диктовать в любое время дня и ночи, Плиний – в свободное от государственных забот время – написал сто восемь больших книг, посвященных своему жизнеописанию, политической и естественной истории, но в этих книгах мы находим мало оригинальных мыслей, а очень многое не выдерживает разумной критики. Самая знаменитая из его книг – «Естественная история» в тридцати семи томах – содержит все, что только можно отнести в эту рубрику. Плиний с большим уважением относился к Катону, но был более справедлив по отношению к врачам. Плиний, например, писал: «Это [халатность и невежество] преступно, но обвинять следует лишь отдельных людей; и в мои намерения не входит тратить время на упреки в адрес отбросов врачебного сословия или привлекать всеобщее внимание к невежеству этих отбросов».

ГИППОКРАТ ИЗ КОСА, ОТЕЦ МЕДИЦИНЫ. ГРАВЮРА ИЗ КНИГИ АМБРУАЗА ПАРЕ «ХИРУРГИЯ» (XVI ВЕК)

Гиппократов считают отцом современной медицины. Он жил в V веке до н. э., но заложенные им принципы медицины были полностью развиты только к концу XIX века

Как указывает Плиний, пророчества Катона сбылись. Можно, для примера, вспомнить развратные похождения врачей Эвдема и Векция Валента, прибывших в Рим одними из первых греческих врачей. Эвдем вступил в связь с Ливией и отравил ее мужа, Друза Цезаря; Валент же вступил в связь с небезызвестной Мессалиной, которая добилась казни Ливии, а сама была убита. Ливия же была дочерью Агриппины, которая с помощью врача Ксенофонта Косского отравила своего мужа, императора Клавдия. По поводу поведения Эвдема и Валента Плиний восклицает: «Какой неслыханный разврат царит в домах даже наших императоров!» Возможно, римляне плохо разбирались в медицинской халатности, но они хорошо знали, что такое супружеская неверность. Эвдем был подвергнут пытке, а Валент казнен.

Несмотря на неприязненное отношение римлян, греческие врачи стали во множестве прибывать в Рим после падения Коринфа в 146 году до н. э. Со временем греки были приняты. Появились должности городских и придворных врачей. Нерон пользовался услугами врача, который лечил его синяки и ссадины после ночных вылазок императора на улицы Рима.

Греческая медицина продолжала развиваться уже в Риме. Кульминацией этого развития стала организация труда повитух, как об этом писал в II веке н. э. Соран Эфесский. Соран жил в Риме во времена Траяна и Адриана. Его труды по повивальному делу и женским болезням задали стандарт, оставшийся непревзойденным в течение следующих четырнадцати столетий. Мало того, эти столетия были временем величайшего регресса медицины. Презрение к суевериям римлян Соран выразил в одной фразе из наставления для повитух: «Повитуха не должна верить в духов». Соран обладал солидными познаниями в анатомии женских половых путей, но знания его были не точны, так как греческая религия запрещала вскрытия, и Сорану приходилось довольствоваться вскрытиями животных. Согласно наставлениям Сорана, к женщине во время родов надо относиться с добротой и сочувствием, каких она не знала на протяжении всех предшествующих веков и тысячелетий. Соран не одобрял применения сильнодействующих лекарств для стимуляции родов и отвергал насильственные способы ускорения родов. Он учил терпеливому рациональному уходу, основанному на знании, а не на суеверии. Соран снова ввел в акушерскую практику поворот на ножку. Эта манипуляция, предусматривавшая поворот плода и его извлечение из матки, пришла на смену плодоразрушающим кровавым операциям и стала пиком развития античного акушерства. Возрождение в Европе поворота на ножку в XVI веке свидетельствовало о том, что средневековое акушерство наконец сравнялось с древним. Соран сам принимал роды, выступая в роли повитухи. Западная цивилизация – два века спустя – отказалась от этой практики. Врачи не просто игнорировали роды – закон и обычай прямо запрещали им выступать в роли акушеров, и только немногим более трехсот лет назад король Франции настолько далеко зашел в своей цивилизованности, что, движимый сочувствием – пусть даже не к жене, а к фаворитке, – несколько раз вызывал на ее роды врача.

КЕНТАВРЕССА, КОРМЯЩАЯ СВОЕ ДИТЯ

Античная камей

Следующий отрывок из книги Сорана позволяет оценить характер этого великого врача Античности, тем более великого, что в своем служении он обратился к страданиям рожениц: «Здесь есть некоторое несогласие, ибо некоторые отвергают разрушение плода, ссылаясь на свидетельство Гиппократ, который говорит: «Я не дам никому ничего разрушающего, полагая, что дело медицины беречь и сохранять то, что рождает природа». Есть и такие, кто придерживается такого же взгляда, но делает различие, а именно что плод зачатия не должно разрушать, если оно явилось следствием супружеской неверности или если женщина хочет избавиться от плода, чтобы сохранить красоту; но плод следует разрушить, чтобы избежать тяжелых последствий в родах, если чрево слишком мало и не может служить опорой плоду, если у женщины отеки ноги, а на губах появились трещины или если она страдает каким-либо иным заболеванием».

Глава 2

Сары Гэмп и их помощники

Цивилизации, как и люди, рождаются, растут, стареют, болеют и умирают. Но так же, как и среди людей, их влияние может сохраняться долгое время после смерти. Римская империя пришла к упадку, греческая медицина деградировала. Христианская религия была на подъеме, и под влиянием ее теологии стали больше заботиться о духовных, а не о телесных аспектах жизни. Откровение заменило разум; причины болезней стали приписывать одержимости дьяволом, а лечение болезней свелось к изгнанию бесов и чудесам. Рациональную медицину сменило суеверие. Учения таких греческих врачей, как Гиппократ и Соран, были утрачены для западного мира. Но учения эти не пропали вовсе; они были собраны и хранились в монастырях христианской Европы. Они были погребены там и ждали своего часа, чтобы возродиться к жизни много веков спустя. Пока длилось это ожидание, любые попытки борьбы за прогресс медицины беспощадно подавлялись церковью. Духовенство ревностно прятало собранные древние учения, чтобы сохранить влияние на невежественные массы. Разумные воззрения талантливых людей были оставлены, их сменили смехотворные теории и методы, возникшие из фанатизма и возросшие на невежестве простого народа.

Средние века были самым несчастным в европейской истории периодом для женщин. В обществе господствовало неслыханное невежество, лишенное интуитивных навыков первобытных племен и знания Античности. Женщины были полностью лишены – пусть даже и отвратительной – врачебной помощи, но в то же время пороки городской цивилизации год от года делали деторождение все более и более опасным. Медицина Средних веков вобрала в себя все пороки древности и добавила к ним невежество и варварство. Для женщин с наступлением христианской эры начался период бед и несчастий. Женщина расплачивалась за мифическое грехопадение соблазненного ею человека болью, кровью и смертью.

Первобытная женщина прибегала к вытравливанию плода или к аборту, если чувствовала, что роды окажутся трудными, или если в это время она кормила предыдущего ребенка. Из приведенной в конце первой главы цитаты Сорана становится ясно, что, каким бы ни было отношение к этому вопросу повитух, греческие врачи смотрели на аборты приблизительно так же, как и современные врачи. Аборты следовало делать не по прихоти, а при наличии опасности здоровью или жизни матери. Средневековая Римско-католическая церковь и здесь поставила барьеры, обрекая несчастных женщин на мучительные пытки. За аборт женщине грозило вечное проклятие, и поэтому богопротивный аборт был заменен кесаревым сечением. Вскрытие живота и матки для извлечения плода производилось тогда без анестезии и без соблюдения даже элементарной асептики, с грубостью, присущей всем варварским народам. Средневековые врачи не выполняли хирургических операций; врачи считали это занятие ниже своего достоинства, хирургические операции делали палачи или цирюльники – последние стали предтечами современных хирургов. Впрочем, операции тогда мог делать кто угодно вне зависимости от квалификации или опыта. Говорят, что в середине XIII века епископ Павел из Мейрады в Испании выполнил кесарево сечение на живой женщине. Правда, едва ли этот рассказ соответствует действительности. Следующим был специалист по кастрации баранов, который два столетия спустя сделал кесарево сечение собственной жене.

ДЕТСКАЯ КОЛЯСКА XV ВЕКА

Эта гравюра во множестве вариаций появлялась в средневековых книгах, посвященных уходу за детьми. Впервые она появилась в книге Генриха фон Лауфенберга *Versehung des Leibs* («Удовлетворение тела»), поэме, посвященной уходу за детьми. Автор – монах-иоаннит. Книга была напечатана в Аугсбурге в 1491 году

Концепции половых отношений были всегда пропитаны религиозностью; так, мы и по сей день подсознательно считаем венерические болезни расплатой за грех; мы противимся предупреждению зачатия – чисто экономическому действию – из тех же соображений. В Средние века религия взяла на себя надзор за проституцией и руководство деятельностью повитух. Доминиканский монах Альберт Великий (Альберт фон Болльштедт, 1193–1280) написал книгу для повитух, а церковные советы издавали эдикты, регулирующие их деятельность. Впрочем, не следует думать, что эти инструкции и эдикты были призваны улучшить заботу о здоровье рожениц и беременных и уменьшить страшную детскую или материнскую смертность. Инструкции были призваны помочь сохранить жизнь новорожденного на время, достаточное для его крещения. Например, церковный совет Кёльна в 1280 году постановил, что в случае смерти матери в родах надо с помощью кляпа раскрыть ей рот, чтобы ребенок не задохнулся в то время, когда его будут извлекать из чрева с помощью кесарева сечения. Намерение явно было лучше, нежели знание физиологии.

О деятельности повитух в Средние века известно мало, но о степени деградации этой профессии можно судить по ее состоянию в начале Возрождения. Даже женщины, нормально родившие детей, часто умирали от инфекции или эклампсии. При трудных родах женщину либо оставляли умирать, либо она погибала мучительной смертью в руках повитухи вроде диккенсовской Сары Гэмп или случившегося поблизости цирюльника или скотника. Правда, в конце концов победили повитухи. В 1580 году в Германии был издан закон, согласно которому пастухам и скотникам было запрещено принимать роды. Это говорит о наступлении цивилизации, а также о положении дел, с которым этой цивилизации пришлось столкнуться.

КОРМИЛИЦА И ДИТЯ (XIII ВЕК)

Гравюра из книги *Versehung des Leibs*. Иллюстрацию сопровождало следующее наставление по выбору кормилицы: «Временами случается, что вследствие разных причин мать не может сама вскормить свое дитя. В таком случае надо выбрать для младенца кормилицу. Она должна обладать следующими качествами. Кормилица должна быть крепкого сложения, не слишком молода и не слишком стара. У нее не должно быть никаких болезней глаз и тела. Больше того, по природе у нее не должно быть никаких телесных пороков. Проследите также, чтобы она была не слишком худа и не слишком толста. Если у нее есть какой-нибудь порок, то к нему будет склонно и дитя. Кормилица должна иметь хороший характер, быть целомудренной, скромной и чистой. Еда ее должна соответствовать следующим указаниям, чтобы молоко всегда сохраняло свою питательную ценность. Я предписываю кормилицам есть белый хлеб и хорошее мясо, каждый день, кроме того, она должна есть рис и салат-латук. Не следует пренебрегать миндалем и фундуком. Напитком кормилицы должно быть чистое доброе вино. Купаниям она должна предаваться умеренно. Кормилица не должна перетруждаться. Чтобы молоко не иссякло, надо добавить к пище горох, фасоль и сваренный в молоке овес. Чтобы ее молоко пошло ребенку на пользу, кормилица должна много отдыхать и спать. Больше того, в еде она должна избегать лука и чеснока, горькой и кислой пищи, так же как и перца. Не должна она также есть соленого и приправленного уксусом. Любовных отношений она должна по возможности избегать или предаваться им с умеренностью, ибо если она забеременеет, то молоко ее станет вредным для ребенка. Для того чтобы дитя не пострадало, его надо в этом случае отлучить от кормилицы»

Не стоит восхищаться положением дел в Средние века и первые десятилетия Возрождения, ибо это был период, когда санитария и гигиена находились на ужасающе низком уровне.

В окруженных стенами городах царила невероятная скученность при полном отсутствии канализации. Грязь и отбросы скапливались на немощенных улицах. В домах, по описанию Эразма, были открытые выгребные ямы, полы были покрыты грязью и нечистотами, было полно мух и червей. Жилища были подлинным скоплением отбросов и гнездом инфекции. В Древнем Риме были мощеные улицы. В Париже они появились только в XI веке. Носовые платки, ночные рубашки и вилки вошли в обиход лишь несколько столетий спустя. Первая вымощенная улица появилась в Лондоне только в XVI веке. В это время во Франкфурте-на-Майне магистрат издал предписание о том, чтобы в каждом доме был туалет, и потребовал вычистить хлева и свинарники.

Христианской Европе потребовалось пятнадцать веков на то, чтобы создать единственную достойную упоминания книгу с наставлениями для повитух. До этого они были предоставлены самим себе. Откликнувшись на пожелание Екатерины, герцогини Брансуикской, Евхарий Рослин, врач из Вормса, написал книгу наставлений для повитух, из которой эти пожилые женщины могли почерпнуть знания о том, как более эффективно и безопасно делать свое дело. Книга была напечатана в Вормсе в 1513 году. В ней не было ничего нового; автор написал то, что было известно еще древним грекам. Тем не менее руководство Рослина не было свободно и от средневековых суеверий – в нем предписывалось курить голубиный помет и тому подобные действия, а кроме того, поощрялось средневековое хирургическое варварство. Предрассудки, существовавшие в то время в умах людей, были так велики – особенно в городах, – что не допускалась даже мысль об участии мужчин в акушерских делах, а Рослин, который, вероятно, сам ни разу не видел роды, проявил незаурядный юмор, назвав свою книгу «Сад роз для беременных женщин и повитух». Тем не менее книга эта принесла большую пользу, так как появилось множество плагиатов других авторов, а сама книга была переведена на латинский, французский, голландский и английский языки. В Англии книгу называли «Рождением человека» (*The Byrthe of Mankynde*). Недопущение мужчин к участию в родах достигало порой невыносимого фанатизма. В 1522 году доктор Вертт из Шамбурга переоделся в женское платье, чтобы присутствовать при родах. В наказание за нечестивое любопытство Вертта сожгли на костре.

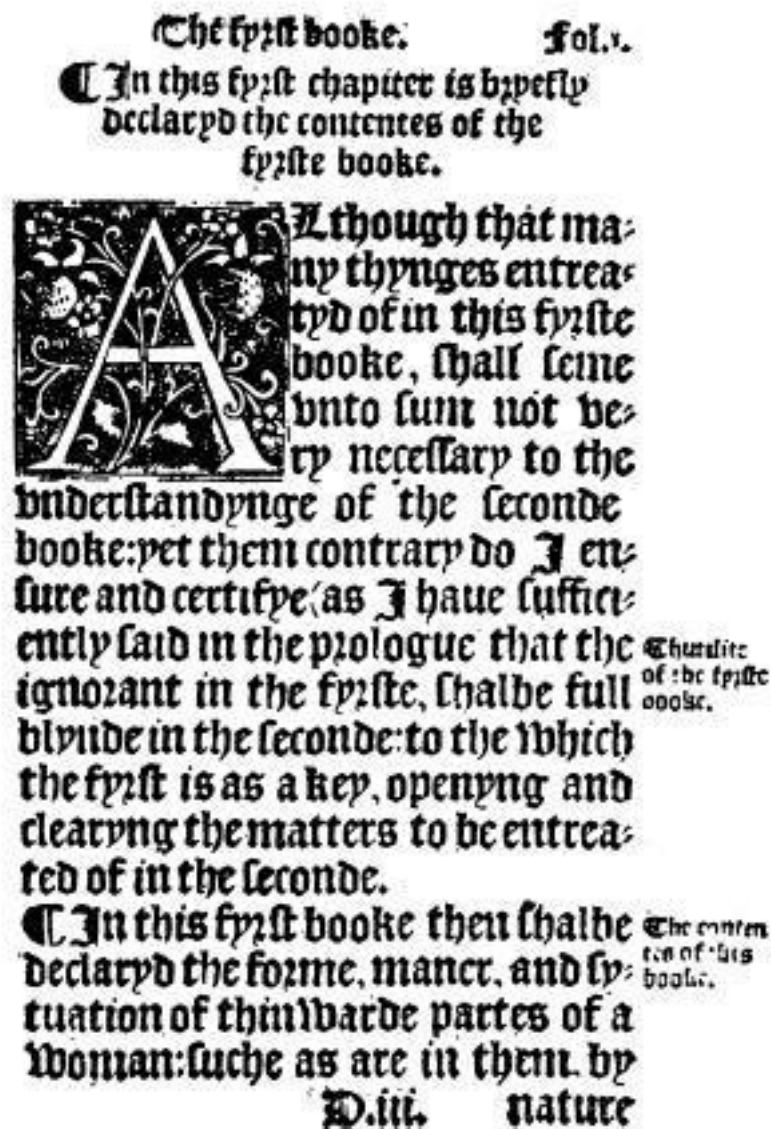

ЕВХАРИЙ РОСЛИН ПРЕПОДНОСИТ СВОЮ КНИГУ ГЕРЦОГИНЕ БРАНСУИКСКОЙ

На этой иллюстрации из изданной в 1513 году книги «Сад роз» показано, как автор почтительно преподносит труд по акушерству своей покровительнице. Это была первая за четырнадцать веков европейская книга по родовспоможению. Она была переведена на множество языков, а кроме того, появилась масса плагиата. Английское издание вышло в 1555 году под названием «Рождение человека»

В XVI веке появились первые признаки прогресса, который вскоре должен был коснуться ухода за роженицами и новорожденными. «Сад роз» Рослина явился первым указанием на смягчение нравов, которое стало ощущаться в европейской цивилизации, после чего пришло и внимание, правда пока не к женщине, а к ребенку, и здесь наиболее выдающейся фигурой стал Амбруаз Паре.

Француз Амбруаз Паре являл собой высочайший образец врача своего времени, это была одна из тех личностей, которыми могут гордиться современники. Паре был добр, и, в то время как Соран проявил величие характера и впервые обратил внимание на страдания рожениц, Паре проявил свою великую доброту, обратив внимание на благополучие рождающегося младенца. Паре появился в Париже в 1529 году, во время правления Франциска I. В то время Паре был учеником цирюльника, и было ему в ту пору девятнадцать лет. Хирургии он учился, работая ассистентом в «Отель-Дье». Это учреждение являло собой типичный образчик больниц того времени, и условия этого госпиталя заслуживают отдельного описания, чтобы те, кто при упоминании «Отель-Дье» представляет себе современный госпиталь, могли по достоинству оценить величие подвига Амбруаза Паре. Устное предание гласит, что «Отель-Дье» был основан между 641 и 649 годами святым Ландри, епископом Парижа, но первое письменное упоминание о госпитале относится к 829 году. Доктор Дж. С. Биллингс так отозвался о госпитале «Отель-Дье»: «Когда этот средневековый епископ основал в каждом крупном городе Франции «Отель-Дье», дом божественного приюта, он делал это из христианского милосердия, как он его понимал, надеясь, что госпиталь послужит двоякой цели: во-первых, помочь бедным и страждущим, а во-вторых, дать возможность небедным и нестрадающим оказать эту помощь своим несчастным согражданам. Надо понимать, что гуманность и христианское милосердие принесли больше пользы дающим, нежели страждущим». Справедливость последнего утверждения подкрепляется воспоминаниями Тенона о парижских госпиталях. В «Отель-Дье» было 1200 коек, из которых 486 были предназначены для одного больного. На остальных койках шириной пять футов одновременно находились от трех до шести пациентов. В больших, скудно освещенных и непроветриваемых помещениях скапливалось до 800 больных, лежавших по большей части на охапках полусгнившей соломы.

СТРАНИЦА ИЗ КНИГИ «РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА»

Английский перевод Вильяма Рейнальда книги Рослина для повитух

Говорил об этом госпитале и Макс Нордау: «В одной кровати умеренной ширины впри-
тык друг к другу лежали четыре, пять, а то и шесть человек, положенные валетом – ноги одного
больного упирались в голову другого. Дети ютились рядом с седыми старцами. Невероятно, но
в одной кровати могли лежать попеременно мужчины и женщины. В одной кровати могли нахо-
диться люди, сгоравшие от тяжелой инфекции, и больные с легкими недомоганиями. На одной
кушетке, прижавшись друг к другу, находились роженица, кричавшая от схваток, корчившийся
в конвульсиях младенец, бредивший тифозной болью, чахоточный, выплевывавший свои
легкие, и жертва какой-то кожной заразы, разрывавший кожу ногтями из-за нестерпимого
зуда... Пациенты часто терпели нужду в самом необходимом. Их кормили отвратительной
пищей, которой к тому же было недостаточно. Монашки обычно кормили сладостями боль-
ных, казавшихся им наиболее благочестивыми, по крайней мере тех, кто без устали перебирал
четки, но истощенные болезнями тела требовали не сладостей, а мяса и вина. Однако такую
еду больные не получали, за исключением тех случаев, когда ее приносили им добросердечные
богатые горожане. Для таких двери госпиталя были открыты и днем и ночью. Войти в госпи-
таль мог любой, кто пожелает, и принести с собой все, что угодно. Из-за этого часто получалось

так, что сегодня больной голодал, а назавтра допьяна упивался вином и объедался до того, что умирал от несварения желудка. Все помещения кишели отвратительными червями, а по утрам в палатах стоял такой запах, что персонал входил в них прижимая к лицам губки, пропитанные уксусом. Тела умерших обычно оставались лежать в кроватях в течение суток, прежде чем их выносили. Все это время больные были вынуждены лежать рядом с покойниками, которые в жуткой атмосфере быстро начинали разлагаться, испуская невероятное зловоние. Над трупами роями кружились жирные зеленые мухи...»

АМБРУАЗ ПАРЕ В ВОЗРАСТЕ Сорока пяти лет

Знаменитый французский хирург стал в то время главным хирургом короля Генриха II

В «Отель-Дье» были койки и для детей. На самом деле это были восемь больших кроватей, на которых умещались одновременно около двухсот новорожденных и детей постарше. Большинство этих несчастных не выдерживало такого милосердия и умирало. Смертность в «Отель-Дье» достигала двадцати процентов. Выздоровление после хирургических операций было исключительной редкостью. О состоянии хирургии в таких госпиталях красноречиво говорит описание 1619 года, сделанное в госпитале города Лиона. В этом госпитале, рассчитанном на 549 больных, был один медик, который обычно находился вне здания госпиталя. Когда этому хирургу требовалась помощь в перевязке ран или в выполнении операции, он призывал «аптекарского мальчика». Несомненно, таким же было и ученичество Амбруаза Паре. Госпиталь располагал набором из пяти инструментов, среди которых был трепан для вскрытия черепной коробки и роторасширитель для разведения челюстей. Рассуждая о бедности хирургического инструментария, следует иметь в виду, что искусство хирургии, согласно эдикту Карла V, еще не считалось «респектабельным», хотя император Венцеслав (Венцель) сделал его таковым в Германии уже в 1404 году. Следует, правда, по этому поводу заметить, что еще в XVII веке в обязанности немецкого армейского хирурга входило бритье офицеров. В правилах для персонала гражданского госпиталя в Падуе (1569) находим следующую фразу: «А также цирюльник, который умеет делать для мужчин и женщин все прочие вещи, которые обычно делает хирург». Под «всеми прочими вещами» подразумевались все манипуляции, за исключением наложения мазей на язвы и раны, так как этим «респектабельным» делом мог заниматься только сам хирург.

Несмотря на полное пренебрежение к больным и отсутствие какой бы то ни было разумной организации, «Отель-Дье» иногда все же сталкивался с управленческими и административными трудностями, с каковыми периодически сталкиваются и современные госпитали. Госпиталь находился в ведении церкви, уход за страждущими осуществляли послушники и послушницы. Однако в 1505 году парижский парламент учредил комиссию из восьми граждан, которым было поручено осуществлять текущий надзор за работой госпиталя. При всех недостатках тогдашней медицинской практики это был, по крайней мере, твердый подход к руководству госпиталем. Монахи и монахини, противившиеся переменам, были изгнаны, а поддержавшие их врачи отправлены в тюрьму.

ПАЛАТА В «ОТЕЛЬ-ДЪЕ». С ГРАВЮРЫ XVI ВЕКА

Кровати были рассчитаны на двоих больных, но часто в них укладывали по пять или шесть человек, не разбирая ни возраста ни пола. Те пациенты, которым посчастливилось меньше, лежали на полу на охапках соломы в темных коридорах. В госпитале, как и во всех подобных учреждениях того времени, царила невероятная грязь

После трех лет обучения в госпитале Паре становится младшим хирургом в армии под командованием Анна де Монморанси, генерал-лейтенанта армии Франциска I. Франция в то время вела войну с императором Карлом V, в ходе которой пыталась захватить Италию. Служба Паре началась в битве под Турином 1537 года. Вот как описывал ее сам Амбруаз Паре:

ПАЦИЕНТ В КРОВАТИ С ТРУПОМ. ГРАВЮРА ДОМЬЕ

Обычное дело для благотворительных госпиталей XVI–XVII веков

«В 1536 году великий король Франсуа послал большую армию, чтобы отвоевать города и замки, захваченные маркизом де Кастом, генерал-лейтенантом императора; армией короля командовал коннетабль [Анн де Монморанси], ставший затем Великим магистром, а господин де Монтеган, генерал-полковник, командовал пехотой, в коей я служил хирургом. Когда армия подошла к Сузскому проходу, мы увидели, что он занят неприятелем... Капитан Ле-Рат вместе с солдатами своей роты поднялся на холм, откуда они принялись обстреливать врагов. Пуля из аркебузы попала ему в лодыжку. Капитан упал на землю и сказал: «Теперь Рату конец». Я перевязал его рану, и Господь исцелил его.

Мы вошли в город по мертвым телам, устилавшим наш путь, слыша крики раненых под копытами наших лошадей. Это зрелище преисполнило меня печалью, и я стал раскаиваться в том, что покинул Париж только для того, чтобы лицезреть эту прискорбную картину. Уже в городе я разыскал конюшню, куда намеревался поставить свою лошадь и лошадь моего слуги. В конюшне я обнаружил четырех мертвых солдат. Еще трое солдат сидели вдоль стены. Лица их были искажены страданием, они ничего не слышали, не видели и не говорили. На одежде их до сих пор дымился обжегший их порох. Вошедший в конюшню старый солдат принялся сочувственно смотреть на этих страдальцев. Он спросил меня, можно ли их вылечить. Я ответил, что нет. Тогда он приблизился к ним и умело перерезал им горло, не выказав при этом ни малейшего гнева. Возмущившись такой жестокостью, я сказал ему, что он злой человек, но солдат ответил, что он сам молит Бога о том, чтобы с ним обошлись так же и избавили его от мучений, если он будет ранен и у него не останется никакой надежды на спасение».

Через десять лет после этой битвы, в которой Паре получил свой первый опыт в военно-полевой хирургии, умер Франциск I, и на французский трон взошел его сын, Генрих II. Во дворец он привел с собой женщину, которую любил всем сердцем, – бывшую фаворитку своего отца, мадам де Брез, больше известную под именем Диана де Пуатье. Эта вдова с двумя детьми была на девятнадцать лет старше короля. Вместе с королем на престол взошла и его супруга, горько переживавшая охлаждение к ней мужа и неприязнь французов за то, что она оставалась бесплодной в течение десяти лет своего брака с дофином. За следующие тринадцать

лет она, правда, родила десять детей, но на всю оставшуюся жизнь затаила злобу. Этой женщине было суждено запятнать себя кровью и опустошить Францию. Имя этой женщины – Екатерина Медичи. Мастерство Паре привлекло к нему внимание короля, и он сделал его своим главным хирургом. Что еще важнее, Паре стал другом Екатерины Медичи. После того как во время турнира в 1559 году копье злополучного Монтгомери пробило шлем и череп Генриха II, Паре пришлось лечить августейшего пациента. Король умер, и его смерть привела к закату звезды Дианы де Пуатье. Екатерина Медичи расквиталась с французами руками своих сыновей – Франциска II, Карла IX и Генриха III. У каждого из этих монархов Паре был главным хирургом, а от Генриха III он получил титул «советника его величества». После короткого правления Франциска II, мужа шотландской королевы Марии, Екатерина Медичи правила Францией до совершеннолетия Карла IX. Это было время интриг, коррупции и финансового краха, высмеянных Франсуа Рабле, врачом и священником, в его едких аллегориях. Екатерина без устали преследовала протестантов. Это преследование, стараниями семейства Гиз, вылилось в массовое убийство гугенотов в ночь святого Варфоломея. Говорят, что Паре был единственным протестантом, которому удалось в ту ночь уцелеть, благодаря особому королевскому эдикту. Правда, многие высказывают большие сомнения относительно его религиозного рвения.

Одной из величайших заслуг Паре стал его мужественный разрыв с якобы восходящими к Гиппократу и Галену предписаниями, которые сковывали медицину того времени. Первым шагом на этом пути стало предложенное им лечение огнестрельных ранений, и, хотя это новшество больше касается хирургии, речь о которой пойдет в следующей главе, оно должно быть упомянуто здесь для того, чтобы подчеркнуть характер Амбруаза Паре, ибо мы не можем привести никаких цитат, касающихся поворота на ножку. Паре не писал об этом акушерском методе, но учил ему своих ассистентов, а один из них применением поворота спас жизнь дочери своего учителя.

Лечение огнестрельных ран стало новостью для хирургии эпохи Возрождения; согласно положению «То, чего нельзя вылечить железом, надо лечить огнем», раны обрабатывали кипящим маслом. История милосердного новшества Паре лучше всего рассказана им самим, и повествование это часто перемежается фразой одновременно скромной и верной: «Я перевязал ему рану, и Господь исцелил его». Рассказывая о своем опыте, приобретенном под Турином в 1537 году, Паре в уже цитированном сочинении пишет: «Теперь все солдаты в замке, видя, что наши люди яростно бросились на приступ, стали делать все, что было в их силах, чтобы защититься. Они убили и ранили множество наших солдат пиками, выстрелами из аркебуз и камнями, и хирургам пришлось много поработать, вырезая наконечники, пули и камни. В то время я был еще неопытным солдатом, и мне ни разу в жизни не приходилось обрабатывать огнестрельные ранения. Я, конечно, читал восьмую главу первой книги Жеана ди Виго «О ранах вообще» и знал, что огнестрельные раны отравлены, потому что в них попадает порох, и знал, что ди Виго велит прижигать огнестрельные раны кипящим бузиновым маслом, которое следует смешать с небольшим количеством терьяка. Для того чтобы не ошибиться во время первой перевязки с использованием упомянутого масла и зная, что это лечение доставляет раненым невероятное страдание, я решил узнать, как поступают в таких случаях другие хирурги. Действительно, в рану вливали как можно более горячее масло, и я, набравшись мужества, решил поступить так же. Масло у меня закончилось, и я был вынужден воспользоваться пищеварительным бальзамом, составленным из яичных желтков, розового масла и терпентина. В ту ночь я не мог сомкнуть глаз, так как боялся, что, не прижегши раны, я завтра найду своих пациентов мертвыми или умирающими. Я поднялся очень рано и осмотрел раненых. Вопреки всяким моим ожиданиям, я обнаружил, что те, кому я наложил на раны смягчительный бальзам, почти не испытывали боли, вокруг ран не было воспаления и отека. Эти раненые спали всю ночь. Другие же, кому я обработал раны кипящим маслом, мучились от лихорадки, боли и отека

вокруг ран. Я дал себе клятву никогда впредь не проявлять такую жестокость к несчастным с огнестрельными ранениями».

Сочинения Паре написаны на его родном французском языке; он не был ученым; все книги выдающихся врачей того времени были написаны по-латыни. Сообщество парижских врачей усмотрело в этом повод для нападок на работы Паре и попыталось воспрепятствовать их публикации. Врачи не только говорили о невежестве Паре, «человека бесстыдного и необразованного», но и упрекали его в том, что своим учением он отходит от правил, установленных древними. На это Паре, среди прочего, отвечал: «При наружных вывихах позвонков Гиппократ советует привязать больного за руки и за ноги к лестнице, втащить на башню или конек крыши с помощью блоков, а потом сбросить больного, как тюк, на вымощенную площадку, утверждая, что именно так поступали в его время. Я же не учу пытаться больных на дыбе, но, напротив, наставляю хирургов, чтобы они вправляли позвонки нежно, не причиняя страдальцу излишней боли».

Этих сведений о жизни Паре вполне достаточно для того, чтобы представить себе характер этого человека, который сделал решительный шаг в сторону цивилизации и снова ввел в практику поворот на ножку. Этот прием стал для младенцев тем же, чем три века спустя стало открытие инфекционной природы родильной горячки для спасения женщин. Поворот на ножку, описанный Паре, следовало использовать в тех случаях, когда плод находился в матке в неестественном, препятствующем нормальным родам положении. Прием состоял во введении руки хирурга в матку, захвате одной или обеих ножек плода и в повороте его в такое положение, чтобы он смог родиться. Одновременно ребенка подтягивали к выходу из матки, облегчая его появление на свет. Описанный несколькими словами поворот на ножку кажется самоочевидным приемом, приемом, который по своей простоте был вполне доступен даже средневековым повитухам. Но его применения пришлось ожидать несколько столетий до прихода человека, проявившего милосердие к чужим страданиям и не погнушавшегося вопреки понятиям своего времени выказать интерес к такому низкому предмету, как мать и ее дитя. В характере Паре было много качеств, присущих основателям великих религий, качеств, каковые зачастую отсутствуют у ревностных последователей этих религий.

РОЖДЕНИЕ ЦЕЗАРЯ. ГРАВЮРА ИЗ КНИГИ СВЕТОНИЯ (1506)

Гравюра иллюстрирует популярное убеждение в том, что Цезарь был рожден на свет посредством кесарева сечения. В его время эту операцию не делали живым женщинам, но лишь после смерти роженицы, и то по религиозным соображениям. Мать Цезаря прожила еще много лет после его рождения. Операция эта получила свое название, потому что в Риме был закон, обязывающий делать операцию по извлечению плода из чрева умершей матери. Законы во времена империи назывались кесаревыми, поэтому и операция получила название кесарева сечения

Важность поворота на ножку для беременных и рожениц можно понять, сравнив положение до и после введения в практику этого акушерского приема. Как уже было сказано в предыдущей главе, первобытная женщина больше всего боялась, что плод в ее чреве может повернуться так, что естественные роды станут невозможными – например, плод мог принять поперечное положение, а не обычное – головкой вниз. Невозможность родов означала неминуемую смерть. К счастью, в первобытном обществе такие случаи были исключительной редкостью, так как женщины тогда вели весьма активный образ жизни. С приходом цивилизации было придумано средство возможного спасения жизни матери за счет умерщвления ребенка. Языческими жрецами, а позднее средневековыми врачами были разработаны плодоразрушающие операции и соответствующий инструментарий – плод извлекали из матки по частям. Во времена Паре это было единственное показание для вызова на роды врача или цирюльника.

Была в то время и еще одна операция, альтернативная описанной выше; эта операция давала возможность спасти ребенка за счет жизни матери. То было одобренное и санкционированное Римско-католической церковью кесарево сечение. Эта операция, результаты которой в те времена разительно отличались от ее результатов в наши дни, заключается в извлечении ребенка через разрез передней стенки живота. Название – кесарево сечение – породило легенду о том, что таким способом появился на свет Юлий Цезарь, но в те времена, когда жил Цезарь, эту операцию не выполняли живым женщинам, а мать Цезаря, Юлия, прожила много лет после рождения Цезаря, о чем свидетельствуют его письма к ней. Более вероятно иное объяснение: в 715 году до н. э. царь Нума Помпилий кодифицировал римское право, и в *lex regia*, как это тогда называлось, было предписано извлекать ребенка из чрева всякой умершей в родах женщины с тем, чтобы мать и дитя можно было похоронить отдельно. *Lex regia* стал *lex cesare* (закон кесаря) во времена империи, и сама операция стала называться кесаревой операцией, или кесаревым сечением. Во времена Амбруаза Паре несколько таких операций было выполнено на живых женщинах, но на протяжении нескольких последующих столетий к ней прибегали в самых крайних случаях из-за страданий, какие она причиняла матери, и из-за высокой смертности.

Паре возражал против операции кесарева сечения, и это его мнение затормозило ее усовершенствование на целое столетие. Вместо нее Паре предложил поворот на ножку. Эта манипуляция не может во всех случаях заменить ни кесарево сечение, ни расчленение и извлечение плода, ибо поворот невозможно выполнить, если у женщины аномально узкий таз. Но Паре этого не знал из-за низкого уровня анатомических знаний того времени. Паре считал – вслед за греками, – что во время родов расходится лонное сочленение, открывая путь ребенку, и именно это расхождение причиняет матери боль во время родов. Тем не менее в то время поворот на ножку был огромным шагом вперед на пути спасения жизни ребенка и страдающей женщины.

ОПЕРАЦИЯ КЕСАРЕВА СЕЧЕНИЯ В XVII ВЕКЕ

В то время к этой операции прибегали крайне редко, ибо не было ни анестезии, ни асептики, ни надежных способов остановки кровотечения. Приведенная здесь гравюра взята из книги Иоганнеса Шультеса, хирурга XVII века

Введение в практику поворота на ножку стало первым шагом к освобождению рожениц от безраздельной власти невежественных повитух, каковая сохранялась в средневековой Европе со времени падения Римской империи. Это был прием, которым врач мог помочь рожаящей женщине, не убивая ее и не калеча ребенка. Отныне женщина получала помощь от хирурга, а это положило начало новой независимой отрасли медицины – акушерству.

Еще при жизни Амбруаза Паре в парижском «Отель-Дье» была открыта школа повитух. Повысился социальный статус беременных женщин и рожениц; после столетий унижения и пренебрежения женщина наконец удостоилась внимания врача. Женщины, заканчивавшие эту школу, не шли ни в какое сравнение с грязными старыми каргами, таскавшимися из дома в дом со своими акушерскими креслами. Луиза Буржуа, «присяжная повитуха» города Парижа, была одной из первых выпускниц; в 1601 году она руководила повитухами при рождении дофина (будущего короля Людовика XIII), а после этого принимала все следующие роды королевы Марии Медичи.

АВТОГРАФ АМБРУАЗА ПАРЕ

Нравы и обычаи эпохи начали меняться; обученные и дисциплинированные повитухи стали большим шагом на пути к улучшению родовспоможения. Следующим шагом должно было стать участие в нем врача. Буше был вызван на роды мадам де Лавальер, любовницы Людовика XIV, и сам король проявил незаурядный интерес к участию мужчины в родовспоможении и сам следил автограф амбруаза паре за родами, спрятавшись за занавеску. В 1670 году Жулиан Клеман принимал роды у мадам де Монтеспан, когда она рожала герцога Мэнского, а в 1682 году Клеман принял появившегося на свет дофина. Клеман получил титул «акушера», заменивший смехотворное «мужчина-повитуха». Вскоре акушеры вошли в моду среди придворных дам. Принцессы спешили отдаться под покровительство акушеров. Клеман трижды принимал роды у жены испанского короля Филиппа V.

Глава 3

«Сострадание Питера Чемберлена»

В XVI веке цивилизация зашла так далеко, что Паре смог снова ввести в практику поворот на ножку, вернув тем самым повивальное дело на тот уровень, на котором оно находилось в Античности, и открыв путь к участию в нем врачей. Кроме того, Паре ввел в хирургию перевязку сосудов, изменил способы лечения ран, основал ортопедию, ввел в практику массаж и глазные протезы. Карл V разграбил Рим и объявил хирургию «уважаемой» профессией. Кортес вторгся в Мексику; Коперник описал обращение планет вокруг Солнца, Галилей продемонстрировал законы падения тел, Парацельс изобрел химиотерапию, Везалий заложил основы анатомии человека, а Фракасторо назвал новую болезнь сифилисом. Реформация, «черная смерть», грипп и английская потница опустошали Европу, а Екатерина Медичи, руководя Францией из-за трона, на котором сидел ее беспутный сын, благословила массовое убийство в ночь святого Варфоломея 1571 года. Паре пережил этот кошмар; он был другом Екатерины Медичи и уцелел, но другому врачу-гугеноту, Шамбеллану, для того чтобы уйти от смерти, пришлось бежать из Франции в Англию.

РОДИЛЬНЫЙ ЗАЛ XV ВЕКА

Шамбеллан прибыл в Англию в то время, когда Генрих VIII завершил наконец свои matrimониальные эксперименты; год смерти короля совпал с открытием в лондонской церкви Святой Марии Вифлеемского приюта для душевнобольных, искаженное название которого обогатило английский язык словом «бедлам». К тому времени семья Шамбеллан прочно обосновалась в чужой стране и сменила фамилию на Чемберлен. Королева Елизавета сидела на

троне уже десять лет, Шекспиру было шесть, а Фрэнсису Бэкону десять лет от роду, а за колдовство полагалась смертная казнь. К тому времени, когда фамилия семейства завершила свою эволюцию и Шамбеллан теперь звучало как Чемберлен, родился Вильям Гарвей, Тимоти Брайт изобрел стенографию и была разбита Непобедимая армада. Эти события приводят нас в 1588 год, когда два сына старого Чемберлена, Питер-старший и Питер-младший, занялись повивальным делом и изобрели акушерские щипцы.

Братья Чемберлен хранили в тайне свое изобретение, стремясь взять в свои руки обучение повитух и руководство ими. В оправдание своих претензий они заявляли, что могут разрешить роды в тех случаях, когда бессильными оказываются все другие врачи. Ревностно охраняемый секрет они передали следующему поколению Чемберленов, представленному другим Питером, сыном младшего из двоих братьев. Этот Питер был человеком незаурядных способностей, но соединял в себе черты религиозного фанатика и неприятные черты шарлатана. Так же как его отец и дядя, он пытался сохранить свое исключительное положение в повивальном деле. Когда ему было отказано в этой привилегии, он разразился памфлетом, озаглавленным: «Голос из Реймы, или Эхо криков женщин и детей, взывающих к состраданию Питера Чемберлена». Амбруаз Паре в таких случаях выражался проще: «Я перевязал ему раны, и Господь исцелил его».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.